

* * *

Моё сердце готово
К неизбежным снегам.
Мне бы счастья простого,
Да к своим берегам.

Всё, что было святого, –
Пусть взойдёт в колее...
Моё сердце готово,
Лишь бы здесь, на земле...

Без конца и начала –
Там, где сердце моё,
Тихо птица кричала,
Колосилось жнивье...

Как ты, жизнь, бестолкова –
Предначертанный крест.
Моё сердце готово –
Купола до небес...

* * *

Ведь я всего лишь ветер, брошенный
в земных лугах.
И плещется луна с горошину в моих руках.
Блуждаю по полям травинкой сорною –
и нет пути конца.
Ведь я всего лишь дождь, оторванный
от твоего лица.

* * *

Неприкаянный город...
Неужели опять
в нерастраченном горе
мне ходить второпях?

Может, встретиться велено
в кругосветной листве?
Шаг узнаю твой медленный
в опустевшей Москве.

В белокаменной свидимся
в заревой листопад.
Дождевою провидицей
уведу наугад...

* * *

Там, где-то вдали, полустанок,
оставленный смех поутру,
ромашковый взгляд спозаранок
и светлый платок на ветру.

И ветер шальной мне вдогонку
бездомной собакой бежит,
и где-то вдали островёнком
мерцает щемящая жизнь.

* * *

Я на лодке плыву. Тихо в заводи той.
Где-то там проплывают столетья...
Мне не хватит теперь этой жизни простой,
Этих трав на лугу, в разноцветье.

Мне и жизни не хватит, – я в лодке плыву, –
Не достать, не допрыгнуть до ада...
Я бессонные ночи свои не прерву,
И река глубока – мне в награду.

Так река глубока, – я на лодке плыву, –
По раскатанной водной дороге.
Я пока не умру, я пока поживу,
Но полны мои мысли тревоги...

Пусть река глубока, а потом хоть потоп,
Хоть крамольные речи от грусти.
Мне хотелось доплыть, даже помнили чтоб
И в Москве, и в немом захолустье...

Я на лодке плыву, что мне эта печаль?
Я, как все, онемела от ветра.
Я на лодке плыву... Как же речку мне жаль.
До конца, до конца лишь полметра...

* * *

Я маму вспоминала в летний полдень,
Когда она ещё была со мной...
И может, слышал ангел нас Господень,
Когда обрушивался дождь стеной.

И мне казалось, так оно и будет –
Притихший, летний вечер у реки,
И птица лёгкая меня разбудит,
И будет длиться время вопреки...

И не был путь её так безысходен,
В саду – одни ромашки, васильки.
Я маму вспоминала в летний полдень,
Тогда ещё берёзы были высоки...

Я так спешила к ней по бездорожью,
Ругая многократно жизнь свою.
Её лицо –
как будто Матерь Божья,
Мерцает где-то в небе,
на краю...

* * *

И время искрилось в домах этих дальних,
где светлые ставни и смех поутру.
И где уже нет пересадок вокзальных,
где солнце под вечер садится к костру.

Немое забвеньё лишь в небе парило,
да сгусток чернеющих птиц на лету.
И степь многоцветная тихость дарила
и сумрак гнала на траву-лебеду.

Здесь всё горемычно и всё обветшало.
И сельский пейзаж уж давно не в чести.
И только гармоника тихо играла
и птицы стремились сюда погостить.

* * *

Я помню, как вдаль уходила дорога.
Мостками светилась подолгу река.
И церковь за лесом виднелась с порога,
как тихая путница издалека.

И светом таким удивляла природа,
что виделась благодать во всех деревьях.
Хозяйка несла огурцы с огорода,
где солнцем разбужен тенистый овраг.

Всё это мирское со мною осталось,
ещё не пропущено в жизни и дня,
чтоб я от всего так легко отказалась,
ведь это моя вековая родня.

Остались, остались мои светотени.
Я, может, ещё на земле проживу.
И чёрным не станет теперь понедельник,
Я травы в подмогу себе призову...

* * *

...А хочешь вокзальную ночь...

Иван Елагин

А хочешь вокзальную ночь,
чтоб звёзды стереть и забыться?
Пойду, как послушная дочь,
за светлой твоею страницей.

Останусь у Бога в долгу,
чтоб к сердцу легко прислониться.
И долго стучаться в пургу
в окно твоё северной птицей.

И мельком предсказывать дни,
что так не давало покоя,
высматривать долго огни
за дальней глубокой рекою.

А хочешь вокзальную ночь
и долго на звёзды молиться?
И натиск судьбы превозмочь,
где светлые мечутся лица?..

ТРИПТИХ

1

Тает в дымке листопад,
 в мелководье день струится.
 Мне деревья говорят:
 – Поезжай в свою Столицу!
 Там ведь осенью светло
 и дождей грибных немало.
 Мне б укрыться под крыло,
 под крыло её – устало...
 И печаль свою, и грусть
 отыщу в толпе глазами.
 И по улочкам пройду
 лихо с верными друзьями.
 Что мне Мир – дорожный прах!?
 Еду я в свою Столицу.
 На горящих деревьях
 солнце там давно гнездится...
 Тает в дымке листопад,
 и опять в кружение люди.
 Я стою у белых врат, –
 может, кто меня полюбит?
 Здесь ведь осенью светло,
 и такой покой рассеян.
 И созвездий намело,
 где бродил Сергей Есенин...

Спаси и сохрани, Москва, меня
 от перешёптываний улиц скверных,
 где дремлют у закатного огня
 чужие деревья в тенистых скверах.

Спаси и сохрани.
 И может быть,
 твой ропот гулкий оборвётся –
 ранний...
 Я – та, которую из всех люблю
 теперь вам должно, безо всякой брани.

3

Ну вот и всё,
 прощание с Москвой?!
 Она меня никак не оставляет.
 Глядит из всех дворов с такой тоской,
 тире и точки в сердце расставляет.

И жизнь перекрывается строкой,
 и снова бьётся в горделивой страсти.
 Москва моя,
 ты собственной рукою
 отводишь от меня мои напасти...